

ЭТНОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Минул год с незабываемых дней победоносного завершения Великой отечественной войны советского народа против немецко-фашистских варваров.

Вооруженные до зубов полчища хищнического империализма, попытавшегося возродить самые мрачные времена рабовладения и крепостничества, разбиты о могучую оборону советской страны. Русский народ и братские народы нашего великого Союза, рука об руку со всеми свободолюбивыми народами мира, разгромили современных каннибалов, изгнали их со своей священной земли и, победоносно закончив битву на территории врага, заставили «расу господ» безоговорочно капитулировать.

Так была продемонстрирована перед всем миром мощь и несокрушимость нашего строя, сумевшего не только нанести фашистским хищникам смертельный удар, но и спасти свободу и независимость всех народов мира.

Вот уже несколько месяцев, как мир с ужасом и омерзением следит за развертываемой в Нюрнберге в медлительном ходе скрупулезного судебного следствия страшной картиной методически холодной, жуткой своей бездушной пунктуальностью практики осуществления «нового порядка» в Европе, вдохновляемой и оправдываемой преступной «расовой теорией» — этим наиболее отвратительным продуктом идеологии современного империализма.

Мир еще раз видит, как воплощались в жизнь «идеи» ученых прислужников фашистского империализма. Мир еще раз может убедиться в том, как опасна рядящаяся в тогу «науки» идеология человеконенавистничества. И, может быть, больше, чем кому-либо, над этим поучительным материалом следует задуматься представителям современной этнографии. Ибо центральное ядро фашистской идеологии неразрывно связано с планомерной, методически, в течение многих лет осуществлявшейся фашистами и идеологическими предтечами фашизма, фальсификацией этнографической, археологической и антропологической науки.

Этнография — отрасль истории, исследующая культурно-бытовые особенности различных народов мира в их историческом развитии, изучающая проблемы происхождения и культурно-исторических взаимоотношений этих народов, восстанавливающая историю их расселения и передвижения. Именно этнография в наши дни, когда опрокинут величайший в истории заговор против свободы, независимости и самого существования десятков народов, должна сказать свое веское слово, именно этнография должна представить миру подлинно научное освещение тех вопросов, на возмутительной фальсификации которых фашисты строили свою рабовладельческую идеологию.

Вряд ли есть надобность в разоблачении тех кровавых мегаломанских бредней, которые наполняли фашистскую пропагандистскую литературу. Разоблачение идеологии фашизма — не дело научных дискуссий, это дело уголовной юстиции победоносной демократии. Но нельзя забывать, что фашистская пропагандистская стражня выросла не на пустом месте. Фашистско-расистская идеология подготавливалась десятилетиями фальсификаторской работы «ученых» идеологов современного им-

периализма, в первую очередь — дофашистских носителей пангерманистских идей, идей исконного, биологически предопределенного, извечного превосходства «германской» расы, «нордической крови и духа», идей исконного, непреодолимого неравенства человеческих рас, идей деления народов на «исторические» и «неисторические», «культурные» и «естественные», идей извечной, фатальной противоположности «Запада» и «Востока» и т. п.

Стголки этих идей, несущих на себе клеймо «Made in Germany», в свое время украшавшее предметы немецкого демпинга, находили (а нередко и ныне находят) приют далеко за пределами Германии, иногда в рабстах таких ученых, которые с негодованием отвергли бы всякую попытку связать их имя с гитлеровской «идеологией».

Но яд преподносился (и преподносится) в столь замаскированной, столь внешне объективистски аполитичной форме, что не всякому дано распознать под псевдоученой упаковкой человекоубийственную продукцию идеологических предтеч и спутников гитлеризма.

Напомним хотя бы то влияние, которое немецкая империалистско-шовинистическая школа оказала на развитие исторической этнографии Европы. С начала до конца фальсифицированная картина этнических взаимоотношений в позднеантичной и раннесредневековой Европе, в частности взаимоотношений славян и германцев, пользуется, к сожалению, широким распространением и за пределами Германии. Псевдоученные конструкции всех этих Мухов, Коссина и им подобных выступают под броней такого «ученого аппарата», защищают свои позиции такими дотами ссылок, примечаний и экскурсов, что нередко не так легко разглядеть тенденциозность, натянутость и бездоказательность их выводов. Некоторые люди всерьез начинали верить, что слово «верблюд» заимствовано славянами... от готов, не говоря уже о том, что общеславянское «витязь», «князь» и другие социально-политические термины могли быть только германского происхождения.

Не всякому приходила в голову мысль о возможности перевернуть те же параллели, предположить, что неизвестное ни одному из германских языков, кроме готского, название верблюда — простое заимствование из славянских языков, где это слово широко распространено, и что «князь» и «витязь», слова также общеславянские, распространены там, где о «конунгах» и «викингах» говорить не приходится в голову самым отчаянным норманистам, — могли иметь и иную, негерманскую генеалогию. А если кому и приходили в голову такие еретические мысли, то не легко было их отстоять, ибо предлагавшиеся этимологии немедленно причислялись к категории «диких» и на голову нечестивца обрушивалась вся тяжесть картотек немецких гелертеров и их немецких учеников.

Старинная, глубоко враждебная подлинной науке пангерманистская идея о «пассивном», «женском», «страдательном» начале славянства и «активном», «мужском» начале германства (задолго до гитлеровцев пропагандировавшаяся Карусами, Клеммами, Лео, Риделями и другими немецкими историками и публицистами XIX в.), стояла за этими внешне аполитичными, сугубо специальными конструкциями, в решительном и систематическом пересмотре которых состоит одна из очередных задач исторической этнографии Европы.

Теоретическая пропаганда предтеч и спутников фашистов в области этнографии находила тем больший отклик за пределами Германии, что ее семена часто падали на почву, готовую их принять. Оживление реакционных тенденций в этнографической литературе конца XIX и начала XX в. отвечало потребностям быстро развивавшегося империализма, нуждавшегося в идеологическом оправдании своего господства над колониальными народами.

Справедливость требует отметить, что не всегда немцы являлись родоначальниками реакционных расистских идей, поступавших на вооружение агрессивного империализма. Не следует забывать, что французы Гобино и Ляпуж и англичанин Чемберлен (впоследствии натурализовавшийся в Германии) являются основоположниками расистского нордизма, за что они были причислены в «третьей империи» к лику святых.

Осуществление доведенного немецкими фашистами до своего логического завершения учения о фатальном неравенстве народов и рас, об активных и пассивных, «мужских» и «женских» народах и т. д. — жестокий урок для всего человечества. Перед этнографической наукой всех свободолюбивых народов, если она хочет быть подлинной наукой и служить делу мира, просвещения и прогресса, стоят огромной важности задачи проверки своего теоретического инвентаря, изживания всех отголосков и модификаций фашистской и профашистской империалистической идеологии.

Для осуществления этой благородной гуманитарной задачи необходимо сплочение всех передовых сил этнографической науки во всем мире. Мы знаем, как велик вклад этнографов демократических стран в дело борьбы против человеконенавистнического расизма, как много сделали для этого покойные А. Грдличка, Ф. Боас и ныне здравствующие ученые США, Англии, Франции и прочих стран. Эта работа не может быть ослаблена ни на минуту.

Огромная ответственность ложится здесь на советскую этнографическую науку, ходом истории поставленную в наиболее благоприятные для своего развития условия.

* * *

Советская этнография имеет замечательные традиции. Она — плоть от плоти и кровь от крови демократической русской дореволюционной этнографии, оплодотворенной и поднятой на высшую ступень достижениями мировой прогрессивной этнографической мысли, нашедшими свое наиболее яркое выражение в трудах крупнейшего представителя американской демократии XIX в. Л. Г. Моргана и соратника Маркса — Фридриха Энгельса. В своем развитии она, вместе со всей советской исторической наукой, неотъемлемой частью которой она является, прошла школу величайших мыслителей нашей эпохи — Ленина и Сталина.

Русская этнография развивалась до середины XIX в. параллельно с этнографией передовых западноевропейских стран, имея в своем активе за XVIII в. и начало XIX в. такие блестящие достижения, как серия грандиозных академических экспедиций, открывших для мировой этнографической науки едва ли не половину Азии и северо-запад Америки, такие труды, как занимающее одно из первых мест среди этнографических монографий XVIII в. классическое «Описание земли Камчатки» Крашенинникова, «Записки об островах Уналашкинского отдела» Вениаминова и ряд других, не менее выдающихся частных и общих трудов.

В XIX в. условия исторического развития России накладывают свой отпечаток на путь развития этнографической науки в нашей стране. Русская этнография тесно связывает свою судьбу с прогрессивными течениями русской общественной мысли, оппозиционными феодально-крепостнической монархии Романовых. Этим объясняется парадоксальный на первый взгляд факт, что в отсталой, крепостнической России XIX в. этнографическая наука нередко занимает гораздо более прогрессивные позиции по сравнению с этнографией передовых стран Западной Европы и, что особенно важно, остается невосприимчивой к тому потоку реакционных, империалистически-расистских идей, которые наводняют этнографическую литературу Европы в конце XIX в. и в начале XX в. В высшей степени характерно, что в то время как передовые идеи и блестящие открытия прогрессивной европейской и американской

этнографии середины XIX в. — этнографические труды Бахофена, Моргана, Энгельса, Тэйлора и других — находят живой отклик в русской этнографической литературе, — реакционные идеи Ратцеля, Фробениуса, Гребнера, Шмидта и других представителей школы «культурных кругов» встречаются русскими этнографами или сдержанно-скептически или резко отрицательно. Я не говорю уже о расистских в собственном смысле слова произведениях, нередко весьма модных на Западе, презрительно негодующая характеристика которых в программной статье Д. Н. Анучина в первом выпуске «Этнографического Обозрения» (1889 г.) достаточно характеризует отношение русской науки к этим цветам империалистической идеологии. Русская антропология, развивавшаяся, как и на Западе, в тесной связи с этнографией, в лице своих корифеев — А. П. Богданова, Д. Н. Анучина и их учеников — также оказалась невосприимчивой ко всякого рода «социально-дарвинистским», «антропосоциологическим» и тому подобным «теориям», пролагавшим дорогу новейшему расизму, несмотря на всю, казалось бы, заманчивость для ученых-биологов, тесно соприкасающихся с проблемами истории общества, попытаться перенести биологические закономерности в сферу общественных отношений.

Русская этнография XIX и начала XX в. никогда не носила официозного характера, никогда не отдавала себя на службу царизму. Русские этнографические учреждения этого периода имеют преимущественно общественный характер.

Ведущая роль в развитии русской этнографии XIX в. принадлежала этнографическим отделам Географического общества в Петербурге и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве, а также многочисленным филиалам Географического общества и самостоятельным научным обществам на местах, в числе которых могут быть отмечены такие выдающиеся объединения, как Общество любителей истории, археологии и этнографии при Казанском университете.

Следует отметить громадную литературную этнографическую продукцию этих учреждений, роль русских общих журналов, предоставлявших широкое место этнографическим работам, и немаловажную роль провинциальной прессы, в которой местные саморсдки-этнографы давали ценнейшие результаты своего живого общения с народами России. Такой массы этнографов-любителей не было, пожалуй, ни в одной стране.

В рядах русских этнографов подвизалось немало людей, зарекомендовавших себя активными борцами против царизма. Не случайно блестящие достижения русского сибиреведения конца XIX — начала XX вв. связаны с деятельностью плеяды талантливых ученых, попавших в отдаленные районы Сибири и Севера против своей воли, в качестве политических ссыльных. — Штернберга, Богораза, Иохельсона, Клеменца, Серошевского и др. Путь этих ученых-демократов перекликается с путем замечательного русского революционного демократа рубежа XVIII и XIX вв. Радищева, также внесшего из далекой сибирской ссылки свой вклад в развитие этнографии азиатских владений в России.

Этнография занимала значительное место в сфере научных интересов Грановского, Герцена, Белинского и Чернышевского, прогрессивные идеи которых оказали немалое влияние на дальнейшее развитие русской этнографической науки.

В могучей и трагической фигуре Миклухо-Маклая, этого подлинного героя науки, ярко выступают тенденции развития русской этнографии второй половины XIX в. Ему наука обязана открытием этнографического мира громадного острова Новой Гвинеи. Высадившись один на нездоровом болотистом побережье «страны людоедов», он сумел найти путь к сердцам новогвинейских «дикарей», стать их другом и учителем.

глубоко проникнуть в их быт и культуру. Один, без всякой поддержки со стороны своего государства Миклухо-Маклай осмелился от имени «туземцев берега Маклая» поднять голос протеста против захвата германским империализмом земли ставшего ему близким народа; всю свою жизнь он боролся против расистского высокомерия по отношению к остальным народам, против попыток трактовать их как полуживотных. Таков образ этого выдающегося ученого-гуманиста, неутомимого борца за науку и справедливость, который и ныне вдохновляет поколения советских этнографов на научные подвиги.

Таковы традиции русской передовой этнографии, традиции Крашенинникова и Зуева, Радищева и Вениаминова, Миклухо-Маклая и Ковалевского, Анучина и Штернберга, традиции, на которых воспитались советские этнографы.

Было бы ошибочно, однако, провести прямую линию между дореволюционной русской этнографией и этнографией советской. Принадлежа к оппозиционно-прогрессивному кругу русского общества, корифеи русской этнографической науки были все же представителями либерально-буржуазной идеологии (Анучин, Ковалевский) или мелкобуржуазными демократами, эпигонами революционного народничества (Штернберг, Богораз и др.). Не только идеи Маркса и Энгельса, но и идеи Моргана были достаточно чужды некоторым из них. Последовательная борьба за моргановскую традицию в этнографии, а затем за поднятие нашей науки на высшую ступень, за действительное введение в этнографическое исследование научной методологии марксизма-ленинизма является признаком нового этапа в развитии этнографии в нашей стране — советского этапа.

С первых шагов советской власти перед нашей этнографией развернулось огромное поприще деятельности. Грандиозные задачи социального переустройства хозяйства, быта и культуры десятков различных племенных народов нашей страны, стоящих на самых различных уровнях общественного и культурного развития, требовали организованной в государственном масштабе интенсивной работы по изучению особенностей общественного уклада этих народов, их быта и культурного достояния. Эта работа сразу приобрела обширные масштабы, вовлекла сотни работников в центре и на местах, обусловила возникновение ряда институтов и кафедр этнографии, этнографических отделов и секторов в комплексных научных учреждениях, организацию множества краеведческих обществ и музеев, широко развернувших свою работу. Этнографическое изучение приобрело новые формы. Наряду с крупными экспедициями, ведущую роль заняла систематическая, из года в год проводящаяся исследовательская работа на местах, осуществляемая как периодически приезжающими из центра специалистами, так и местными работниками, в первую очередь — из рядов самих исследуемых национальностей. В этом было качественно новое в условиях развития советской этнографии, получившей базу в широком культурном движении десятков народов, часто до того не имевших даже письменности. Изучение народов опиралось на их активное самопознание.

Этим определилось полное развитие тех гуманитарных начал, которые характерны для всех подлинных представителей передовой этнографии, каким был, например, Л. Г. Морган и которые красной нитью проходят через историю русской дореволюционной этнографии. Советский этнограф, к какой бы национальности он ни принадлежал, прежде всего активный участник культурной жизни и строительства того народа, изучению которого он себя посвятил. Он такой же гражданин советской Родины, как и те, над наследством культуры которых он работает; они вместе строят одну и ту же социалистическую советскую культуру, в какие бы национальные формы она ни выливалась.

Коренной перелом в самом масштабе, характере и значении работы

этнографа в Советском Союзе сочетался с его теоретическим перевооружением. Труды Ленина и Сталина, как в целом, так и в тех разделах, которые непосредственно соприкасаются с работой этнографа (как, например, исследование Лениным исторической судьбы русской общины, его учение об укладах, труды Сталина по национальному вопросу), — определили этот новый этап в теоретическом росте этнографии в нашей стране. У Ленина и Сталина учились и учатся советские этнографы методу конкретно-исторического исследования материала, умению, не упуская из виду всей конкретной сложности каждой проблемы, видеть за частным — общее, за второстепенным — основное.

Путь развития советской этнографии был нелегким. Немало пришлось преодолеть теоретических ошибок, а порой и прямых попыток замаскированных врагов советского народа столкнуть советскую этнографию с правильного пути. Немало еще впереди трудной, упорной работы, необходимой для того, чтобы наша наука могла с гордостью заявить, что она достойна своей великой страны, своих великих учителей. Но основы дальнейшего развития заложены.

* * *

Мы вправе сейчас говорить о советской школе в этнографии — школе, лицо которой оформилось достаточно четко. Это прежде всего школа, рассматривающая этнографию как отрасль исторической науки, требующая конкретного исторического исследования культуры каждого народа. Советской этнографии чуждо понятие «культуры» как абстрагированной от народа и его живой истории, самодовлеющей категории, живущей своими законами, особыми от законов общественного развития. Нам чуждо понятие «культурного круга» как некоего самодовлеющего единства, подлежащего изучению в отрыве от конкретной культуры отдельных народов. Каждый народ, каким бы малым и отсталым он ни был, для нас прежде всего субъект истории, активный строитель своей культуры; без учета конкретных историй отдельных народов и их совокупностей неизбежно будут схематическими и художесными всякие скороспелые обобщения, которыми столь богаты некоторые новейшие течения в зарубежной этнографии.

Мы признаем правомерность выделения определенных хозяйственно-культурных зон, обусловленных различием в естественных производительных силах отдельных территорий, налагающим отпечаток на облик культуры населяющих эти зоны народов. Нельзя, конечно, не видеть общих черт в культурах, скажем, арктических морских охотников Азии и Америки, в культурах земледельцев-ирригаторов Старого и Нового Света, в культурах тропических земледельцев Центральной Африки, Меланезии и Южной Америки. Мы признаем и конкретное историческое понятие культурной области или провинции, выражающейся в культурном сближении народов определенной территории, хотя бы и различного происхождения, в результате общности исторических судеб, длительного соседства и общения. Трудно было бы, например, не рассматривать как единую культурную область Индонезию с ее многочисленным, стоящим на различных ступенях развития населением, на наших глазах консолидирующимся вокруг 40-миллионного яванского ядра в единую индонезийскую нацию; или Кавказ, разноразличные народы которого связаны тысячелетней историей хозяйственного, политического и культурного общения, нашедшей выражение в общности разнообразных сторон их богатой культуры.

Но и хозяйственно-культурную зону и историко-культурную область мы должны рассматривать неизменно как историческую, динамичную категорию, меняющуюся в процессе исторического развития. Не существовало и не существует, например, «западной» и «восточной» куль-

тур, извечно, субстанционально противостоящих друг другу. Куда, к Западу или к Востоку, нужно отнести испанский народ, за спиной которого стоит блестящая мавританская цивилизация Андалузии и древние культурные связи иберийских предков которого уходят в берберийскую Африку, в Эгейский мир, в Малую Азию и на Кавказ? Куда, к Западу или к Востоку, нужно отнести итальянский народ, в жилах которого течет, наряду с латино-италийской, также и германская, и греческая, и этруская, и арабская кровь? Как можно объединять и противопоставлять Европе как единое целое Китай, Индию и переднеазиатские страны, которые культурно и исторически имеют между собой не больше общего, чем каждая из них имеет с Европой?

Само наличие индоевропейской системы языков является убедительным доказательством исторически преходящего характера «противоположности» Запада и Востока. Этой «противоположности» не было в античном мире до возникновения Римской империи. В представлении римлян Запад — это Рим с Галлией, Испанией, северо-западной Африкой, а Восток — это Греция и эллинизированные народы Передней Азии и Египта. В раннем средневековье Запад и Восток — это области западной и восточной христианских церквей. Лишь «эпохой великих открытий» и колониальной экспансией европейских держав датируется появление доминирующего сейчас в мировом литературном обиходе представления об этом делении мира. «Восток» — это, собственно, совокупность всех колониальных и зависимых народов Старого Света, в каком бы направлении от Западной Европы они ни жили и к каким бы культурным областям они ни принадлежали. Наконец, наиболее законченное выражение этой точки зрения мы находим у немецких фашистов, у которых представителями «Востока» нередко оказывались даже французы. «Запад» из страны света превращается в псевдоним для Германии.

В постановке проблемы этногенеза и исторической этнографии советская школа заняла прочно завоеванные позиции. Она базируется на учении И. В. Сталина о нации как исторической категории, свойственной определенной эпохе истории человечества и возникающей путем слияния разнородных этнических элементов. Она принимает важнейшие положения учения Н. Я. Марра об этногенезе как процессе качественной трансформации сменявших друг друга в ходе исторического развития племенных объединений, об этногенезе как социально-историческом, а не биологическом процессе. Советская этнографическая наука в тесном сотрудничестве с археологией и антропологией вплотную подошла к решению ряда важных общих и частных проблем этногенеза. Центральное место занимает здесь проблема этногенеза славянских народов, решаемая сейчас в результате работы ученых разных специальностей в принципиально ином плане, чем все прежние попытки этого решения.

Основные контуры этой концепции, общей для большинства советских исследователей, несмотря на различия в оттенках мнений, — это отказ от бесплодных поисков «прародины» славянства где-то в Пинских болотах, где они могли бы ускользнуть от внимания античных историков и географов, и взгляд на славянство как на возникающую в позднеантичный период историческую трансформацию древнего населения обширной равнины от Эльбы и Заала на западе до Дона на востоке и от Южной Прибалтики на севере до Балкан на юге. При этом славянство рассматривается как продукт скрещения культурно родственных между собой иллирийских, фракийских и западноскифских племен, «бесследно» исчезающих, чтобы по всей территории своего расселения уступить место славянам, в своем языке, культуре, антропологическом типе сохраняющим многочисленные особенности своих «предшественников», фактически — предков.

Смена этнического состава населения обширных территорий, состав-

ляющих объект наших исследований, рисуется не как механическое перемещение отдельных народов, а как сложный процесс исторического развития населения каждой данной территории, одним из элементов которого является и появление на данной территории новых этнических групп, в различных формах ассимилирующихся с древними насельниками. Это — правило, имеющее очень мало исключений.

Как в вопросах частной этнографии, так и в общих этнографических проблемах наша наука, следуя основному положению марксистско-ленинской теории, гласящему, что «марксизм — не догма, а руководство к действию», — чужда фетишизированию отдельных положений учения Моргана и Энгельса о первобытном обществе. Но вместе с тем она твердо стоит на почве прочно освоенных и подтверждаемых новыми открытиями фактов и не склонна бежать вслед за модными «теориями», сплошь да рядом возникающими и исчезающими как мыльные пузыри в новейшей зарубежной этнографической литературе. Свойство русского стиля научной работы, сочетающего смелость и широту постановки проблем с придирчивой строгостью в требовании солидных фактических оснований для каждого обобщения, присуща и советской этнографии.

Мы считаем твердо и прочно доказанными основные положения учения Моргана о первобытном обществе, углубленного и развитого Марксом и Энгельсом и обогащенного советской этнографией, опирающейся на ценнейшие указания Ленина и Сталина; учения об общественном характере первобытной экономики, о первобытном обществе как особой, первобытно-общинной социально-экономической формации, предшествующей классовым формациям; учения о прогрессивном развитии материальных производительных сил как основе всего исторического развития; учения о роде как основной и универсальной форме первобытной общественной организации, слагающейся уже в верхнем палеолите вместе с современным видом человека и распадающейся лишь в процессе перехода к классовому обществу, часто, впрочем, сохраняясь в качестве пережитка; учения о матриархате как универсальном этапе развития, возникающем вместе с родом и сменяющемся патриархатом; учения об исторически позднем возникновении патриархальной и моногамной семьи сменяющей в эпоху разложения родового строя архаические формы парного брака, в свою очередь предшествуемого формами брака группового; учения о единстве исторического процесса, об общем в своих основных звеньях пути всех народов мира от первобытности к цивилизации, при всем историческом многообразии вариантов этого пути.

Но эти твердо установленные положения далеко не исчерпывают всей совокупности проблем истории первобытного общества, решаемых на базе этнографического материала, с привлечением данных первобытной археологии и антропологии. Так, огромную задачу современной этнографии составляет труднейшая проблема происхождения рода, требует углубленного исследования ряда проблем истории позднего родового строя, в частности тех конкретных условий и форм, в которых происходил переход от матриархата к патриархату.

Несмотря на то, что проблема перехода от доклассового общества к классовому в общей форме блестяще решена Марксом и Энгельсом, проблема конкретных форм этого перехода требует еще обширных исследований, с одной стороны, в связи с накоплением огромных новых материалов, с другой — в связи с крайней сложностью и многообразием этих процессов, зависящих от своеобразия эпохи мировой истории и конкретно-исторической обстановки, в которой протекает этот процесс у разных народов.

Не менее сложной и еще менее разработанной является проблема происхождения религии. Здесь можно говорить как о твердо установленных лишь о немногих положениях, связанных преимущественно с

поздними стадиями истории первобытной религии. Так, достаточно ясно что политеистической религии (не говоря уже о монотеизме) предшествует религия анимистическая, свойственная всем народам, которые могут быть отнесены к первобытно-общинной стадии в собственном смысле слова. В связи с этим ясна полная несостоятельность и тенденциозность всяких оттенков модных праомонотеистических «теорий». Но проблема происхождения самого анимизма, проблема взаимоотношения анимизма и магии, проблема тотемизма — еще весьма далеки от своего разрешения и требуют еще немалых усилий.

* * *

Перед советской этнографией лежит обширное поприще. Бурный рост национальной культуры народов СССР, еще усилившийся благодаря огромному патриотическому подъему в период Великой отечественной войны интерес всех народов к своему историческому прошлому, к сокровищнице своего культурного наследства — властно диктуют дальнейшее широкое развитие полевых исследований, всестороннего изучения материальной и духовной культуры всех народов Советского Союза, дальнейшего накопления материалов и научной систематизации их.

Но советская этнография не может оставаться в стороне от изучения проблем этнографии зарубежных стран как Европы, так и внеевропейских континентов. Как разработка общих проблем этнографии, так и решение многих частных вопросов, в особенности вопросов славянской этнографии и этнографии других, родственных народам СССР народов Азии и Европы, вопросов этногенеза и культурных взаимосвязей народов различных частей света — невозможны без дальнейшего развития конкретных исследований советскими учеными вопросов зарубежной этнографии.

Эти задачи должны разрешаться в тесном содружестве с передовыми этнографами демократических стран. Дальнейший рост и укрепление международного научного сотрудничества, объединение сил всех передовых этнографов мира для решения больших и сложных задач, стоящих перед нашей наукой, систематический обмен исследовательским опытом, новыми материалами, выводами и достижениями должны стать залогом быстрого движения вперед, новых замечательных научных обобщений и открытий.

С. П. Толстов